

**ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА**

**ПАЛЬТО**

*Рассказ*

Дверь распахнулась, едва Заур Меджидович нажал на кнопку звонка.

– Ну что, купил?! – выдохнула Манюня, глядя на объемный пакет в руках мужа.

– Купил, – улыбнулся он.

– Слава Богу! – сказала Манюня и, проходя в кухню, приказала: – Пойдем обедать. Потом покажешь.

Спорить с женой Заур Меджидович не стал – за полдня хождения по магазинам он здорово проголодался.

Поглощая наваристый борщ, приготовленный по рецепту бабы Мани – Манюниной бабушки, Заур Меджидович рассказывал о своих хождениях-похождениях. Манюня слушала его, присев на краешек стула и подперев голову рукой, и все, о чем он рассказывал, отражалось на ее лице – она то улыбалась, то поджимала губы, то широко распахивала глаза. Он любил в ней это умение живо реагировать на то, о чем он говорил, ее равнодушие ко всему, что с ним происходит, ее заинтересованность. Когда-то это зацепило его, и эта его «зацепленность» не прошла до сих пор. Его радовало, что этих своих качеств она не утратила и в свои, в общем-то, довольно солидные годы.

А почему «Манюня»? Вообще-то звали ее Марьям. На людях он обращался к ней не иначе, как Марьям-ханым, и это гораздо больше шло к ее внешности – она была крупной женщиной, достаточно рослой и, что называется, с формами. Марьям ее назвал папа-азербайджанец, но русская мама называла Маней в честь своей матери, бабы Мани – удивительно душевной женщины, доброй, ласковой, готовой всем прийти на помощь. Уход бабы Мани из жизни, а прожила она 86 лет, не только родные, но и все, кто ее знал, переживали как огромную потерю. Так что Манюня – это от Мани, уменьшительно-ласкательное, и дома, для своих, Марьям-ханым была Манюней.

– Ну что, пойдем посмотреть, – сказала Манюня, когда Заур Меджидович кончил есть и выпил свои обычные три стаканчика-армуды крепкого свежесваренного чая.

Они прошли в гостиную, где на диване вольготно расположился принесенный им пакет. В пакете было пальто, купленное в срочном порядке по требованию сына – он должен был приехать уже завтра. Это был подарок Фариды к Новому году. Он выслал деньги и заявил, что когда он придет к новогодним праздникам, у отца непременно должно быть новое пальто – самое лучшее! Денег на это Фарид выделит даже больше, чем нужно. Сын работал в другом городе, теперь уже даже в другой стране, зарабатывал очень неплохо, вот только жениться не спешил, хотя давно уже было пора.

От покупки пальто Заур Меджидович пытался отговориться:

– Да что я, сам себе пальто купить не могу? – говорил он в трубку телефона. – Оно мне просто не нужно, мне гораздо удобнее в куртке, а пальто я все равно носить не буду.

Но сын настаивал:

– Папа, ты солидный человек, с солидной должностью, ходить в куртке для тебя как-то несерьезно.

Заур Меджидович продолжал возражать, но сын подвел под разговором черту:

– Короче, я высылаю деньги и прошу тебя: к моему приезду купи пальто! А то обижусь, – пустил он в ход свой обычный и самый действенный козырь.

Раскрыв пакет, Заур Меджидович извлек из него пальто и накинул его на плечи.

– Как следует надень, – попросила Манюня.

Одернув полы пальто и оглядев Заура Меджидовича с головы до ног, Манюня восхищенно проговорила:

– Ой, какой ты у меня! Просто красавец! Тебе очень идет. Отличное пальто!

Пальто и впрямь было отличное и Зауру Меджидовичу очень шло – он стал будто моложе и выше ростом и при этом выглядел очень представительным мужчиной.

– А говорил – не нужно мне пальто, не нужно, – напомнила Манюня.

– Но ты же отказываешься от шубы, сколько я говорю, давай купим – нет и нет.

– Шуба меня будет полнить, я тебе уже говорила, а я и так толстая, – сказала Манюня.

– И ничего ты не толстая, – возразил Заур Меджидович.

– Нет, шубу не хочу, – уверенно проговорила Манюня. – У меня есть прекрасное пальто, я, в отличие от тебя, в свои годы не хожу в куртке. Нет, ну какое пальто замечательное! – вернулась она к обновке Заура Меджидовича. – Фарид будет доволен.

Манюня удалилась в кухню доделывать какие-то свои бесконечные дела – к приезду сына готовились все его любимые блюда, и все нужно было сделать для того, чтобы успеть к сроку.

Заур Меджидович прилег на диван – хотелось отдохнуть после сегодняшней суматошной беготни по магазинам в поисках «самого лучшего» пальто.

Он не ожидал, что покупка так его обрадует. Обычно он не испытывал особых эмоций по подобным поводам. Разве что тогда, когда купил себе первое свое дорогое пальто. С его покупкой была связана целая история, которая теперь припомнилась Зауру Меджидовичу во всех подробностях.

Он тогда учился на третьем курсе химфака Азербайджанского государственного университета имени С.М.Кирова, сейчас это Бакинский государственный университет, или БГУ. Учился на «отлично», получал повышенную стипендию, его уважали не только однокурсники, но и ребята с других курсов – они дружно избрали его председателем профкома факультета, одним словом, учиться ему было во всех отношениях вполне комфортно. Но однажды его вызвал декан и сказал:

– Я давно за вами наблюдаю. Вы – прилежный, упорный, умный... – и ошарашил его вопросом: – Вы не хотели бы учиться в Москве?

Заур знал, что были студенты, в том числе и с их химфака, которых университет отправил учиться в Москву, в МГУ, они приезжали на каникулы и рассказывали, как там все здорово. К тому же это открывало большие перспективы. Там преподавали известные на весь мир ученые, и культурная жизнь была ключом. Но Заур не предпринимал никаких шагов для того, чтобы туда поехать, и вообще не думал об этом. И вдруг – такое неожиданное предложение!

Правда, декан предупредил:

– В Баку жить проще – здесь жизнь не такая дорогая, как в Москве.

И поинтересовался:

– Тебе отец сможет помочь – высылать деньги на жизнь в Москве?

Заур не знал, что ответить, нужно было спросить у отца.

Вообще предложение декана его не особенно вдохновило. Здесь, в Баку, у него все было налажено. В Москве же, как он понимал, его ожидало множество проблем. И первая – языковая. Дело в том, что в школе он учился в азербайджанском секторе, то есть проходил обучение на азербайджанском языке. Отец его, родом из одного из бакинских поселков, практически бакинец, русский язык знал очень неплохо. Мать же была из отдаленного горного района Азербайджана и с русским у нее были большие проблемы. Правда, в те годы, живя в Баку, а мать жила здесь уже больше двадцати лет, не знать русского было практически невозможно. Но она была домохозяйкой, с соседями почти не общалась, а дома у них говорили на азербайджанском. В школу Заура отдали в азербайджанский сектор и, соответственно, в университете он учился тоже на азербайджанском языке. Конечно, русский он знал, но больше на бытовом уровне. Так что вдруг взять и перейти на обучение в университете на русском языке, да еще в Москве – конечно же, это было бы связано для него с большими сложностями.

Вторая проблема была та, о которой говорил декан – материальная. В семье, кроме Заура, было еще двое детей. Брат учился в 8-м, сестра – в 5-м классе, их нужно было поднимать. Работал в семье один отец, он и содержал всю семью. Отец работал на заводе фрезеровщиком 6 разряда, зарабатывал неплохо, но все же кормить одному пятерых было непросто. Жили они скромно, так что откуда у отца лишние деньги, чтобы посылать Зауру в Москву? Тем более, что вторая проблема была частично связана с первой – здесь Заур был отличником и получал повышенную стипендию в 50 рублей, а в Москве, резко перейдя на обучение на русском языке, на котором он никогда не учился, вряд ли он сможет получить даже обычную стипендию в 35 рублей. Во всяком случае, в первое время. Так что Заур был уверен, что ехать в Москву ему не стоит. Все же он рассказал дома о предложении, сделанном деканом.

Мать сразу же воспротивилась:

– Куда?! Зачем?! Учится, да, ребенок в университете. Что еще надо? Мальчик, в Москве, один! Что будет кушать? Кто будет следить за его одеждой? И там свяжется неизвестно с кем – с плохой компанией, с распутными девушками... Кто его остановит?

Отец же, напротив, загорелся:

– Конечно, поезжай, даже не думай! Это же такие перспективы! И такое образование! Халыг, вон, дочку в Москву отправил учиться, не побоялся. А ты – парень. Что с тобой там может случиться? Голова на плечах, слава Аллаху, есть. К тому же, Халыг столько хлопотал, столько «подмазывал», чтобы дочку в Москву послали учиться! А тебе счастье привалило, и безо всяких усилий с твоей или моей стороны!

Тогда Заур изложил ему свои сомнения. Но и это отца не смутило:

– Русский не знаешь? А кто с соседской Ленкой часами на лавочке болтает – не на русском с ней говоришь? Это не тот русский? А какой? Бытовой? Выучил бытовой, выучишь и научный. Не сомневайся, поезжай! А деньги? Ну, 50 рублей в месяц я тебе как-нибудь наскребу, буду высылать, может, первое время и немного больше. А там освоишься, стипендию начнешь получать. Жить, как тебе сказали, будешь в обще-

житии, бесплатно. Одежда пока есть. На глупости, типа друзья, девочки, тебе не нужно – обойдешься. Остается только на еду. Думаю, справимся.

...После окончания третьего курса, в конце августа, Заур вместе с другим парнем с их факультета прибыли в Москву

Отнесли документы на факультет. Там выяснилось, что оба они зачислены снова на 3 курс, на котором уже отучились в Баку – как им объяснили, это для того, чтобы они адаптировались и усовершенствовались в русском языке.

Затем они отправились к коменданту общежития. И Заур, и его товарищ говорили на русском с акцентом, некоторых московских словечек не понимали, что очень смущало обоих. Но комендант их успокоила, сказала, что они быстро все освоят.

Заур и его товарищ хотели поселиться вместе, но оказалось, что двухместных комнат не осталось, есть только 4-местные, да и в тех – только по одной свободной койке.

Увидев, что ребята расстроились, комендант сказала:

– Да это для вас и лучше, будете больше общаться на русском, быстрее выучите язык, а то у нас эстонцы живут, только друг с другом и общаются, доучились до 4 курса, а так толком и не говорят по-русски.

Заур и его товарищ попали в разные комнаты на разных этажах. Отыскав комнату, в которой ему было выделено место, Заур вошел и увидел, что там занята лишь одна кровать – на ней сидел худощавый парень с молодым лицом, но совершенно седой головой, и листал какой-то журнал. Они познакомились. Его звали Виктор Сомов. Он указал Зауру на его кровать, сказав, что две другие заняты парнями, которые пока не приехали. Какое-то время они с Сомовым жили вдвоем. Это был спокойный, доброжелательный парень. Вообще люди, с которыми Заур сталкивался здесь, ему нравились – ребята, в основном, были интеллигентные, общались друг с другом уважительно – других Заур не встречал. Позже он поймет, что какое-то время ему просто везло.

Жизнь его постепенно вошла в какое-то более или менее постоянное русло. Заур ходил на занятия, обедал в столовой, обеда были дешевые и вкусные, затем шел в их комнату и готовился там к занятиям. Комната была удобная, с туалетом, ванной и душевой, одним словом, ему жилось достаточно комфортно. Вскоре их послали «на картошку» Заур обрадовался – это сулило какой-то перерыв в занятиях, которые пока что давались ему с трудом. Колхоз, в котором они трудились, хорошо их кормил, а студенты весь день собирали в поле картошку. По вечерам отдыхали, кто как хотел и как умел – в основном, играли в карты, иногда пили, но чаще курили и матерились. Недели через две студенты вернулись в Москву. Там Заура ждал сюрприз – две пустовавшие до этого кровати в их комнате оказались заняты – на них лежали чьи то сваленные в кучу вещи.

Вечером в комнату ввалились двое. Один – большой, усатый, с широким красным лицом. Зауру показалось, что он заметно старше других студентов по возрасту, потом он узнает, что до университета парень успел отслужить в армии и два года отучиться в техникуме. Звали его Володя Терехин. Второй – долговязый, тощий. Этого звали тоже Володей, фамилия его была Гнатюк, но все называли его просто Вовчиком. Войдя и оглядев комнату, усатый пренебрежительно – покровительственно хлопал Заура по плечу и сказал:

– Привет, черножопый! Из каких краев прибыл?

От подобного, совершенно беспричинного хамства Заур на несколько секунд

оторопел. Затем кровь ударила ему в голову, и он ответил:

– Тебе что до этого, краснозадый?

– Чего?! – угрожающе проревел усатый.

– Того! – ответил Заур и спросил: – Ты мою жопу видел?

– Еще чего! – воскликнул усатый.

– Откуда знаешь, что черная?

– По роже вижу.

– А у тебя рожа красная.

– И что?

– Я и говорю – краснозадый.

Усатый еще больше побагровел и стал угрожающе надвигаться на Заура. Потом вдруг ухмыльнулся и сказал:

– А ты ничего, за словом в карман не лезешь, удар держишь... Ладно, живи.

И они стали жить. Терехин не обращал на Заура особого внимания, но больше и не задирали его, Заура это вполне устраивало.

Терехин и Вовчик были друзьями не разлей вода, везде ходили вместе. По тому, как с ними общались другие студенты, Заур понял, что эти двое у ребят в авторитете. Заур на их счет особо не заморачивался, его сейчас больше беспокоил предстоящий коллоквиум по одному из профильных предметов и по военной подготовке. И Заур вцепился в учебники – времени до коллоквиума оставалось мало. Заур не надеялся сдать эти предметы так же хорошо, как это удавалось ему в Баку – ему нужно было их хоть как-то сдать, чтобы не опозориться перед остальными. Ребят у них на курсе тупых не было, все учились хорошо, на равных вели научные дискуссии с преподавателями, и надо было быть если не лучшим, то хотя бы соответствовать.

Но заниматься в их комнате было невозможно – в ней теперь царили Терехин и Вовчик. Почти сразу после занятий они выдвигали стол на середину комнаты, и начиналась бесконечная игра в преферанс. Игроков было четверо, плюс постоянные болельщики, которые стекались из других комнат – все они что-то выкрикивали по ходу игры, общаясь, в основном, матом – переговаривались, комментировали игру, и все это сливалось в общий многоголосый ор. При этом все курили и пили пиво, закусывая дешевой колбасой с резким чесночным запахом – в комнате дым стоял столбом, на полу валялись окурки и шкурки от колбасы. Все это происходило ежедневно и длилось часов до 3 ночи. Утром Терехин и Вовчик просыпались поздно и на занятия шли только на вторую двухчасовку. Заур не мог себе позволить пропускать занятия, и потому вставать приходилось в половине седьмого утра. Конечно же, он не высыпался. Попытаться изменить ситуацию было бессмысленно – на любую просьбу быть потише начинался еще больший ор, теперь уже возмущенный и обращенный в сторону недовольного. Жаловаться администрации у студентов было не принято – тут же ты становился «стукачом». Ни спать, ни заниматься, ни вообще жить в комнате стало невозможно. Какое-то время Заур ходил заниматься в комнату к товарищу, с которым они вместе приехали в Москву и с которым их заселили в разные комнаты. Товарищу повезло больше, чем Зауру – у них в комнате было спокойно, там жили нормальные люди. Но вскоре Заур понял, что стесняет тамошних ребят, которых и без него было четверо, они встречали его недовольными взглядами, и он перестал туда ходить. По утрам Заур, невыспавшийся, неготовый к занятиям, шел на лекции, на которых его затуманенный бессонницей мозг практически ничего не воспринимал. Так прошло 10 дней, и он понял, что ему конец – его выгонят из университета за не-

успеваемость. Несколько раз он подходил к коменданту общежития, просил помочь, переселить куда-нибудь. Она обещала что-то придумать, но все оставалось по-прежнему – преферанс, матерный ор, пиво и сигареты в их комнате продолжались. Но, пожалуй, хуже всего было вот что. В их комнате, как и во всех других, была радиоточка, и радиопередачи были постоянным спутником терехинских игрищ. Правда, за постоянным ором их почти не было слышно. Но в 24-00 передачи заканчивались, и напоследок звучал гимн Советского Союза. И каждый раз в этот момент Терехин врубал звук на полный ход, так что репродуктор ревел, будто сейчас взорвется. Гимн разносился по всему этажу, заставляя бедных студентов вскакивать спросонок с кроватей. И никто ничего, казалось, не мог поделать. Заур чувствовал, что долго так не выдержит, но выхода не видел. Он ненавидел и Терехина, и гимн СССР, и, главное, чувство своего бессилия.

Как-то Заур встретил в столовой одного из земляков – студента-старшекурсника – и поделился с ним своей бедой. И тот посоветовал ему, как от нее избавиться. Студенты-старшекурсники жили в общежитии в другом здании.

– Там и к учебным корпусам ближе, и есть свободные места в двухместных комнатах. Правда, туда заселяют только старшекурсников, но если «подмазать» комендантшу... – говорил земляк.

Комендантше нужно было заплатить 50 рублей – все, что высылал ему отец на месяц. Но Заур готов был голодать, только бы избавиться от каждодневного кошмара, происходившего в их комнате.

Однако денег у Заура пока что не было – нужно было дожидаться почтового перевода от отца, а это еще почти две недели, и Заур не знал, сможет ли он их пережить. Он окончательно пал духом. И тут неожиданно пришло спасение, и спасли его... студенты из ГДР, жившие в соседней комнате – Отто и Клаус. Зауру они очень нравились – жили тихо, держались вместе, защищали друг друга, ни с кем не ссорились, не скандалили.

И вот в один из дней – тогда, когда включенный Терехиным гимн СССР разносился по всему этажу, в дверь их комнаты тихонько постучали, потом постучали громче. Терехин остановил игру и приказал Вовчику:

– Иди, посмотри, кому там нейдется.

Вовчик открыл дверь, и в комнату вошли Отто и Клаус.

– У нас к вам просьба, – вежливо начал Клаус. – Дело в том, что мы ложимся спать в 11 часов вечера, а вставать нам надо в 7 утра, чтобы успеть на занятия. Если мы не спим, мы ничего не усваиваем на лекциях. В 24-00 вы включаете Гимн, мы просыпаемся и потом уже не можем уснуть. Можно включать Гимн не на полный звук?

Тут Терехин угрожающе надвинулся на немцев:

– Вам что, гимн СССР не нравится?! – воскликнул он.

– Нет, нам нравится, – сказал Клаус, – просто потише можно включать?

– Ах, вы хотите потише, вы что, гитлерюгенд, так и этак вашу мать, фашисты проклятые, вас надо было гнать еще в 45-м году вон отсюда!

Немцы ушли, а Терехин еще долго возмущался:

– Их всех надо перебить, – орал он, – права они тут качают – здесь, в центре Москвы!

Затем они продолжили игру, а Заур еще до 3-х ночи лежал без сна в своей кровати, утром пошел в университет совсем разбитый и понял, что еще несколько дней – и он свалится. Вернувшись, он увидел, что в коридоре, неподалеку от их комнаты,



стоит несколько солидных, представительных мужчин. Рядом с ними стоял Отто. Зауру почему-то показалось, что они ждут именно его. И действительно, увидев его, Отто сказал:

– Вот он! – и один из мужчин направился к Зауру.

Его пригласили войти в их комнату, где сидело еще несколько мужчин, один из них – проректор по идеологической работе, другой – зам. декана факультета, а третий, как потом оказалось, – посол ГДР. Заура спросили, кто он, откуда, и попросили рассказать о том, что вчера произошло в их комнате. Заур рассказал, опустив заявление Терехина насчет «гитлерюгенда». Ему задали еще несколько вопросов и отпустили. Потом они говорили с другим жильцом их комнаты, Сомовым, и с ребятами из соседних комнат.

Вечером ни Терехин, ни Вовчик в комнате не появились, и на следующий день тоже, и Заур вдруг обнаружил, что они с Сомовым живут без них, а через несколько дней увидел, что перед доской объявлений толпятся студенты, а на доске – объявление об исключения Терехина и Вовчика из университета.

Заур с облегчением вздохнул – он понял, что его мытарства наконец закончились. А следом пришла и еще одна радость – он получил деньги из дома. Теперь он мог переселиться в корпус, о котором ему говорил земляк-старшекурсник. Хотя Терехин и Вовчик больше не жили в их комнате, Заур все же решил не рисковать – мало ли кого еще к ним с Сомовым поделят. Он отнес деньги коменданту, а взамен получил бумагу о том, что он официально переселен в одну из комнат в корпусе для старшекурсников. Условия там были прекрасные – в холле были телефон и телевизор, а главное – комнаты были двухместные, между ними – коридор и душевая, общие для каждых двух соседних комнат. Заур стал жить с хорошими людьми – со Славой Селиным в одной комнате, а в соседней жили якут Коля и Роберт Шнитке из Ленинграда.

Его сосед Слава Селин был интеллигентный парень, очень образованный, с ним было интересно поговорить. Заур многое от него узнал о западной литературе и живописи. После терехинского засилья Зауру казалось, что он попал в рай – он общался теперь с нормальными людьми и имел возможность не только готовиться к лекциям, но и просто отдыхать, читать книги. Вообще народ здесь был другой, особый. Здесь интересы не вращались вокруг преферанса и покера – здесь интересовались книгами, выставками, театральными постановками. Свои коллоквиумы Заур, наконец, успешно сдал и был теперь вполне доволен жизнью.

Очень ему нравился и Роберт Шнитке. Это был парень с одутловатым, изборозженным морщинами лицом, некрасивый. Но когда он начинал говорить о науке или искусстве, в которых прекрасно разбирался, или играть на гитаре, он преображался, и лицо его становилось прекрасным. Но и этих замечательных ребят не обошла общая для жителей России беда – Роберт крепко выпивал, а иногда с ним пил и Слава. Случалось, они звали с собой и Заура. Сидели в пивной, разговаривали, спорили. За вечер Слава с Робертом могли выпить по 5-6 поллитровых кружки пива. Заур с трудом одолевал максимум две. У Славы в Москве были родственники, и он иногда по несколько дней гостил у них. Тогда Заур оставался и вовсе один в их комнате и чувствовал себя совсем вольготно.

Роберт Шнитке был не только не дурак выпить, но и любил погулять с девушками, у которых, при всей своей внешней некрасивости, пользовался успехом. Както он пригласил Заура к ним в комнату, где они с Колей что-то отмечали. Роберт был

с одной из своих девиц, а Коля – со своей постоянной возлюбленной, Ирой. Они сидели за накрытым столом, Роберт что-то наигрывал на гитаре, когда в дверь постучали, и в комнату вошел незнакомый Зауру парень. Их познакомили. Парня звали Максом. Посидев еще немного, все вскоре разошлись.

Через несколько дней Макс вновь пришел к ребятам, их не оказалось дома, и он заглянул к Зауру.

– Организуй чайку, – попросил Макс.

Заур выложил на стол все, что у него было. Макс просидел у него несколько часов, болтал о чем-то, рассказывал анекдоты. Он умел сразу расположить к себе – высокий, крепкий, модно одетый, с модной стрижкой, веселый, компанейский – Зауру он очень нравился. Увидев у него на тумбочке томик Лермонтова, Макс с восхищением начал говорить о его поэзии, чем окончательно подкупил Заура – Лермонтова он очень любил.

Через несколько дней Макс зашел к Зауру снова, на этот раз он был с девушкой. Заур был один, Слава гостил у московской родни.

– Ты не мог бы переночевать сегодня в соседней комнате, у Роберта, он сегодня один, Коля остался ночевать у Иры, – попросил Макс. И, кивнув на девушку, пояснил: – Ты ж понимаешь...

Заур согласился. Наутро, вернувшись к себе, он обнаружил, что все его припасы съедены, со стола не убрано, кровати не застелены. Он не особо расстроился, отнесся ко всему с пониманием – ну, не до уборки было людям.

После этого Макс частенько стал захаживать к Зауру – и с девушками, и один. Если Славы не было, оставался ночевать. Обычно, придя, просил «чего-нибудь пожевать». Частенько они вместе ходили в университетскую столовую. Платил за обоих, как правило, Заур – Макс подолгу рылся в карманах, и Заур доставал деньги за двоих. Его это не особенно напрягало – дела с учебой у него наладились, и он теперь, помимо отцовских денег, получал еще и стипендию, правда, пока обычную, в 35 рублей, но он надеялся со временем дотянуться и до повышенной. Заур гордился тем, что у него такой друг, и что он может оказать ему хоть какую-то услугу, он – ему, а не наоборот. Ведь Макс был такой модный, стильный парень, а Заур – нет. Макс был здесь своим, а Заур – чужаком. У Макса были девушки, а у Заура не было. И ему очень льстило, когда Макс, встретив знакомых, которых у него было великое множество, представлял им Заура:

– Заур, мой друг.

Между тем близилась зима, было уже начало ноября, сильно похолодало. Отец в письмах спрашивал, не мерзнет ли Заур, Москва ведь не Баку, там бывают сильные морозы. Заур действительно мерз в своем бакинском пальто «на рыбьем меху», в чем и признался отцу, попросив выслать теплый свитер.

Отец ответил, что свитер вышлет, но это несерьезно, нужно купить хорошее пальто, он постарается найти деньги. Заур понимал, насколько тяжело будет отцу оторвать от семьи деньги ему на пальто, но понимал и другое – если он начнет болеть, то поставит под угрозу свою учебу. Все же он надеялся как-то выйти из положения – свитер из дома он получил и, надевая его под пальто, почти не ощущал холода...

Однажды вечером к ним в комнату вошел Макс. Славы не было, Заур был один.

– Заур, спасай меня, – заявил Макс с порога. – У меня отец заболел, нужна срочная операция, нужны деньги, помоги!



– Я бы с радостью, – ответил Заур, – но откуда у меня деньги?

– У тебя есть, есть деньги! – воскликнул Макс и протянул Зауру почтовое извещение, из которого следовало, что ему почтовым переводом перечислено 250 рублей.

Дело в том, что все почтовые извещения, приходившие на имя студентов, находились на столе у коменданта общежития, и если кто-то ожидал денежного перевода или посылки, он подходил и смотрел, есть что-то для него или нет. Вот Макс и увидел там извещение на имя Заура и принес его.

Зауру стало стыдно – вышло так, будто он хотел скрыть от друга, что у него есть деньги.

– Я не знал, что отец все же пришлет деньги, – начал он оправдываться, – да еще такую сумму. Это на пальто. Мое совсем холодное, в нем ходить уже невозможно. Извини, но я не могу отдать тебе эти деньги.

– Ты не понял, – заявил Макс, – деньги нужны всего на несколько дней. Сегодня пятница, завтра у отца операция, мать деньги выслала, со дня на день они придут. Уже во вторник, максимум, в среду, я их тебе отдам. Богом клянусь! Клянусь жизнью отца! Помоги, мы ведь друзья! А во вторник или в среду деньги будут у тебя прямо с утра.

Конечно, Заур не мог ему отказать. «Ничего, похожу еще несколько дней в старом пальто, – думал он. – Зато другу помогу».

Назавтра с утра Макс уже был у него.

– Пойдем быстрее на почту, – сказал он. – Деньги нужны срочно...

Прошло несколько дней, наступила среда. Потом четверг. Но ни Макса, ни денег не было. С каждым днем все больше холодало, и Заур мерз все сильнее.

Наконец он сам отправился к Макс, но его в комнате не было.

– А где Макс? – спросил Заур у парня, с которым Макс делил комнату, и тот ответил, то Макса нет еще с субботы, уехал к Маше. На вопрос Заура, кто такая Маша, парень ответил:

– Это девушка Макса, живет в подмосковных Люберцах, Макс у нее иногда остается на несколько дней.

– Как же он смог уехать? – удивился Заур. – Разве в субботу его отцу не сделали операцию?

– Какому отцу? – удивился парень. – Отец у него умер лет 10 назад. У него только мать и брат в Куйбышеве.

Заур был потрясен.

– А что случилось? – поинтересовался парень. Заур рассказал.

– Плакали твои денежки, – заявил парень.

Заур не мог поверить в случившееся.

– Как же так? Ведь Макс обещал, клялся, что не позже среды утром он вернет деньги!

– Ну, не знаю, – сказал парень. – Когда Макс появится, я передам, что ты его спрашивал.

В глубокой печали Заур отправился к себе. Как же так? – размышлял он. – Выходит, Макс меня обманул. Никакого отца нет, и не было никакой операции? А может, операцию делали Маше, просто Макс постеснялся мне об этом сказать, – пытался как-то разъяснить для себя ситуацию Заур. Ему никак не хотелось верить, что Макс просто обманщик.

Через несколько дней Заур встретил Макса в коридоре общежития.

– А, Заур! – ничуть не смущаясь, воскликнул тот, – здравствуй! Да, я в среду не смог принести тебе деньги. Я их еще не получил – там есть некоторые обстоятельства. Но ты не волнуйся, на следующей неделе я деньги обязательно отдам. Верь мне – ведь мы же друзья.

И Заур вновь поверил. Конечно же, Макс деньги вернет. Не может не вернуть. Ведь он знает, как трудно живет семья Заура, с каким трудом его родители, отказывая себе во всем, находят деньги, чтобы послать ему, чтоб он мог спокойно учиться, – Заур ему об этом не раз рассказывал. Это же будет большой грех, если он его обманет.

Так Заур твердил себе, не умея поверить, что человека, друга, – ведь Макс все время говорил, что они друзья, – того, кто тебе полностью доверял, можно так подло обмануть, забрать деньги, которые родители кое-как собрали своему сыну на пальто, чтоб он не мерз, не болел, и прогулять их со своей девушкой – у Заура все же была мысль, что именно так Макс и поступил. Но он гнал эту мысль от себя, не хотел, не мог поверить, что так может быть...

Но прошла еще неделя, пошла вторая, Макс не появлялся, и в голове у Заура постепенно крепла мысль, что, как выразился сосед Макса по комнате, плакали его денежки – Макс отдавать их просто не собирается.

Но он снова сам подошел к Зауру и сказал:

– Ты не волнуйся насчет денег, я помню, я верну, ты не думай, что не верну.

Заур обрадовался так, как если бы Макс уже вернул ему деньги – он же помнит, сам подошел, значит, вернет! Значит, Заур напрасно плохо о нем думал. А то, что задерживает возврат денег – мало ли какие обстоятельства у него могут быть.

Заур продолжал ходить в старом пальто, мерзнуть, но его грела надежда на то, что Макс все же вернет долг. Под свое бакинское пальто он надевал старый отцовский свитер, чувствовал себя плохо одетым, но таким образом как-то выходил из положения.

Так прошла еще неделя, и снова Макс, встретив Заура, сказал, что помнит о долге и скоро его вернет, и позвал его в столовую, где Зауру вновь пришлось заплатить за них обоих. Но денег Макс все не возвращал, хотя уже шел к концу декабрь. Однажды Заур увидел его в очереди возле билетных касс в кинотеатр – красивого, хорошо одетого, в теплом пальто с меховым воротником, под руку с девушкой. Они ели мороженое и весело смеялись. Заур стоял в своем старом демисезонном пальто, и ему было очень обидно. Чувство обиды заставило его решительно подойти к ним и сказать:

– Макс, ты уже почти два месяца не отдаешь мне 250 рублей, которые взял в долг на два дня. Я не могу больше ждать. Отдай мне мои деньги.

В ответ Заур услышал:

– Ну, ты и хам! Где твоё воспитание? Видишь же, я здесь с девушкой, подходишь, портишь мне настроение. Разве можно говорить такие вещи при девушке? – возмущался Макс. Затем, взяв девушку под руку, сказал: – Пойдем отсюда! – и они ушли.

Заур остался стоять, как вкопанный, он ничего не понимал. Оказалось, что он же еще и хам, он же еще и виноват! Он чувствовал себя незаслуженно оскорбленным, униженным...

Вернувшись в общежитие, он никак не мог прийти в себя, так что даже Слава

Селин заметил, что с ним что-то не так.

– Заур, что у тебя стряслось? – спросил он.

Заур Славу очень уважал, он был порядочным парнем, в чем Заур не раз уже мог убедиться. Он не выдержал и рассказал ему все.

Слава выслушал, качая головой.

– Ну что же ты, Заур, такой наивный, такой доверчивый? – посетовал он. – Макс – известный прохвост, это все знают. Его, кстати, собираются исключить из университета – он не учится, только ходит по общежитию и просит у всех деньги, которых никогда не отдает. Иди к декану, пожалуйста, расскажи, как он тебя обманул.

– Нет, это нехорошо, – сказал Заур, – я же сам, своими руками отдал ему эти деньги.

– Тогда забудь о своих деньгах, – сказал Слава.

И тут Заур окончательно понял, что остался без пальто – ходить ему в старом еще три года, до окончания университета. Правда, он надеялся, что летом, когда им дадут стипендию за три месяца сразу, он что-то на них купит, и немного успокоился.

В самом конце декабря Заур пришел на факультет и как тогда, в случае с Терехиным и Вовчиком, увидел, что у стенда с объявлениями толпится народ. А на стенде – объявление об отчислении ряда студентов за аморальное поведение и прогулы, и во главе списка отчисленных – фамилия Макса.

Закончился первый семестр. Все экзамены Заур сдал успешно, проблем с русским языком у него уже не было никаких, занимался он усердно, его хвалили педагоги и даже ставили в пример другим, и он чувствовал себя намного уверенней, чем вначале. На январские каникулы он поехал домой. Заур был в приподнятом настроении – он все сдал, выдержал все испытания. Одно плохо – он ехал в старом пальто.

Заур ожидал, что встречавший его отец сразу же спросит, где его новое пальто, на которое ему выслали деньги. Но отец не спросил, и только мама через несколько дней поинтересовалась, почему он ходит в старом пальто, на что Заур ответил:

– Я новое пальто берегу, чтоб оно подольше оставалось новым. И потом, в Баку такое теплое пальто ни к чему.

– Хорошее пальто купил? – спросила мама

– Очень хорошее, у меня такого еще никогда не было, – соврал Заур. – Импортное, югославское. Очень теплое. И очень мне идет.

– Ну и хорошо, сынок, – сказала мама. – Носи на здоровье. Только в будущем году, прошу тебя, приезжай в новом пальто – очень хочется посмотреть, какой ты в нем. Ты ведь у меня такой красивый...

И следующей зимой Заур приехал домой на каникулы в новом пальто, как и обещал маме. Летом он собрал все летние стипендии – теперь он получал повышенную стипендию, как отличник, еще какие-то деньги скопил к тому времени – и купил себе югославское пальто. Увидев его в нем, мать расплакалась.

– Какой ты взрослый, настоящий мужчина, – говорила она, осматривая его со всех сторон. Она была горда и счастлива, что ее сын в таком солидном, красивом пальто, которое они с отцом, пусть и с трудом, но ему купили. А Заур был счастлив еще больше, что после всех передраг он все же купил себе пальто. И больше ни одна покупка в его жизни так не его не радовала. Разве что, это, купленное сегодня на присланные сыном деньги пальто, которое вдруг доставило ему почти такую же радость...